

Цена жизни. Сборник материалов Всероссийского литературного конкурса «70 лет Победы». М.: Союз писателей Москвы, 2015. — 528 с.

Стихи, повести и рассказы, письма, воспоминания и дневники, очерки и статьи как известных советских писателей и поэтов, так и тех, кто нечасто брался за перо, чтобы поделиться своими впечатлениями о своей Великой Отечественной. Имена знакомые, такие, как Ф. Абрамов и Р. Казакова, В. Астафьев и С. Наровчатов, В. Некрасов и В. Арро, и малоизвестные. Среди последних преобладают имена тех, кого С. Микаэлян, ушедший на фронт семнадцатилетним юношей, назвал незаметными тружениками войны: они честно служили, не все участвовали в великих битвах и знаменательных сражениях, не все совершали героические поступки и подвиги. А иногда и гибли в первом же бою. В своей повести «Не убит подо Ржевом» С. Микаэлян рассказывает «о солдате, только по случайности не убитым подо Ржевом — с судьбой похожей и непохожей, постыдной и похвальной, полной трагического и смешного, чудес и необъяснимых загадок». У каждого из авторов, непосредственно участвовавших в боях, была своя школа выживания. У «окопного» сержанта Ю. Николаева, что писал свои заметки о войне уже в Белоруссии, где занимался разминированием минных полей, немецких и партизанских, и вспоминал свой первый бой и первое ранение в октябре 1942 года. И у рядового красноармейца-солдата А. Казакова, участника Витебской операции, прошедшего Литву и Восточную Пруссию. У Н. Оцеп, студентки 1-го Московского медицинского института, направленной на фронт в октябре 1941 года и воевавшей на Северо-Западном фронте и на Орловско-Курском направлении, названном позже «Огненная дуга», и при форсировании Днепра. Они, эти авторы, были очень юными — 1921—1925 годов рождения. Иногда, только что покинувшие школьные парты, как Л. Лопатников, кто, не дожидаясь призыва, пошел на курсы радистов военного времени и после месяца и шести дней был направлен на фронт, или Л. Лазарев, в 18 лет ставший командиром разведроты. Их рассказы лишены пафоса, но четко передают условия, в которых они жили и воевали, и чувства, которые испытывали. Невыдуманные ситуации, невыдуманные переживания, будни героические и негероические. Среди авторов много и тех, кто встретил войну детьми. «22 июня 1941 года, когда объявили, что началась война, я обрадовалась, — пишет Римма Казакова, которой тогда было девять лет, — и первым делом подумала: „Как хорошо, что теперь не надо отдавать заячий костюм!“ После (школьного) спектакля я его куда-то спрятала, да так и не нашла. Мысль о том, что начнется учебный года, и костюм с меня спросят, отравляла мое существование». Осознание чего-то страшного пришло, когда ее веселый и смелый отец, провожая семью из Ленинграда в эвакуацию, заплакал, уходя, опустил плечи и закрыл рукой глаза. Есть и те, кто детьми, как В. Арро, Г. Капышев, Е. Вагнер, оставались в блокадном городе, на чьих глазах уходили из жизни близкие. «Каждый, кто жил в городе в ту пору, был и жертвой — по мере посланных ему испытаний. И в то же время борцом — по силе своего физического и духовного сопротивления. В борьбе за выживание много неэстетичного, отталкивающего, вызывающего протест у человека, который живет в нормальных условиях. Героизм жертв, обреченных на гибель, придумали люди, которые заботились о том, что они устроили, не так безобразно и страшно выглядело. Для простых жителей „героизм“ — чуждое слово. Они просто прилагали нечеловеческие усилия, чтобы одолеть смертельные, противопоказанные жизни условия,

в которые их поставили, оттянуть приговор, который им был вынесен, но не произнесен. Одолевали, оттягивали... С большим или меньшим успехом. А когда не могли — умирали», — пишет В. Арро. Особые страницы — воспоминания о детстве в еврейских гетто на оккупированных территориях в Минске и Винницкой области Украины (М. Верников, Я. Басин, М. Койфман). Увидеть войну глазами отца, офицера-сапера, за плечами которого остались десятки разминированных полей, каждое из них как преодоленная смерть, попытался Е. Бень; о своем отце, враче-герое Валериане Ошкадерове, погибшем в декабре вместе с гарнизоном на эстонском острове Осмусааре, рассказывает Н. Королева. По страницам сборника можно изучать географию войны и ее историю. Историю боев и историю отдельных людей. Таких, как генерал М. Лукин, командовавший нашими частями под Смоленском и Ельней, тогда долгое и упорное сопротивление окруженных, лишенных подвоза провианта и снарядов частей Красной армии помешало немцам войти в Москву. Военная биография генерала Лукина оборвалась осенью 1941 года пленом. Или таких, как генерал М. Снегов, чьи войска уже в июне 1941 года у города Перемышля (ныне польский Пшемысль) заставили споткнуться армию вермахта, не знавшую до того поражений. Сборник составлен из материалов разных жанров, опубликованных в последние пятнадцать лет в отечественной журнально-газетной периодике. Много в нем и горького, как, например, в письмах В. Астафьева, обвиняющего советскую военную верхушку в том, что народ был брошен в огонь войны, как солома. Или в очерке 90-х годов, где В. Кондратьев упрекает в безнравственности молодых прагматиков, занявшихся кошунственной переоценкой подлинных ценностей, пытающихся предать забвению праздник Победы. И как ответ всем инсинуациям относительно Великой Отечественной звучат строки поэта Г. Гоппе (1926–1999): «Ах, суд потомков! // Он, понятно, прав. .... Две высоты. // До каждой далеко: // Что до потомков, что и до комдива. // А меж высот — высотка за рекой. // Возьмем ее — // и судьи будут живы». «Да, верой жили. // Да еще какой! // Ее убить пытались — не убили. // Она травой взрывалась на могиле, // Но возвращалась в поредевший строй. // ... Да, верой жили. // И не нам с тобой, // Носившим беспросветные погоны, // Теперь причины зная поименно, // Мудрее быть, чем были в жизни той. // Мы все равно виновны. // Но виной // Не гнули нас солдатские котомки. // За вашу зоркость, // мудрые потомки, // Мы заплатили полной ценой». И пророческими, если вспомнить набирающую силу акцию «Бессмертный полк» являются слова Ф. Абрамова: «И как знать, может быть, память о погибших — главная духовная опора людей».

Александр Твардовский. Письма с войны: 1941–1945 / Подготовка текста, предисловие, примеч., указ. имен В. А. и О. А. Твардовских. М.: Книжный Клуб 36,6, 2015. — 432 с.; ил.

21 июня 1941 года Александру Твардовскому исполнился 31 год, а на следующий день началась Великая Отечественная война. Уже 23 июня он получил назначение на Юго-Западный фронт, 25-го отбыл к месту назначения, в Киев, а 26-го послал жене с дороги первое письмо... А 6 июля 1941 года писал жене из Киева: «Не унывай, раздумывая о нашем отходе. Он будет, может быть, даже большим, чем ты представляешь, но это — путь к победе. Родине нашей случалось и без Москвы оставаться на время, а не то что». До самой сдачи Киева редакция газеты «Красной Армии», где служил Твардовский, не получала распоряжения о выезде из города. Газета печаталась до самого последнего момента. В беспорядочном бегстве из Киева ре-

дакция потеряла многих сотрудников. «Какая страшная, угнетающая душу вещь — отступление», — писал поэт жене и одним из первых в литературе в поэме «Василий Теркин» воссоздал картину поражений, потерь, окружений и отступления 1941-го. А потом, в 1941—1942 годах был Воронеж, работа в газете «Красной Армии» и выезды на фронт, с апреля 1942-го по июнь 1943-го Твардовский находился в Москве: работал над поэмой о Теркине, выступал на радио, сотрудничал с газетами и издательствами. В июне 1943-го был направлен в редакцию «Красноармейской газеты» под Смоленск, входил вместе с Советской армией в освобожденные Смоленск, Вязьму, Минск, а затем и города и населенные пункты Литвы и Восточной Пруссии. Его семья — жена Мария Илларионовна и две дочери, старшая Валентина, 1931 года рождения, и младшая Ольга, родившаяся 28 января 1941 года, — с августа 1941-го по июнь 1943-го находились в эвакуации в Чистополе, в Татарстане. Переписка прерывалась только в те периоды, когда Твардовский совершал редкие, кратковременные поездки в Чистополь и пока семья некоторое время вместе находилась в Москве. Мария Илларионовна сберегла все 139 писем мужа, набросанных иной раз на клочках бумаги карандашом и даже на карточках для библиотечной картотеки. Письма доходили плохо, особенно от жены, в 1942 году Твардовский не получал писем от нее полгода. Узнавал о семье от людей, которых судьба забрасывала на фронт, где он находился. Сам он постоянно искал okazji, чтобы переслать письма, посылки, деньги. Каждое письмо дышит заботой и любовью: «денег не щади», «поддерживай детей до последней возможности», «не жалеи на молоко, дрова, витамины», «все, что может быть сохранено — из еды — более или менее длительный срок, я тщательно сохраняю для вас, мои дорогие дети». «Не мастер по доставанию», он пересылал свой военный паек, шоколад, лекарства: 4 таблетки пирамидона, 2—3 таблетки стрептоцида, поясняя, как их использовать, тетради и карандаши для детей. Обостренное чувство ответственности за семью, в том числе за тех, кто оставался в Смоленске, рефреном проходит через все письма. Устанавливать контакты с семьей в Чистополе, передавать туда посылки и деньги помогали друзья: Долматовский, Исаковский, Щипачев, Кожевников, Василий Гроссман, с которым у Твардовского были особые, доверительные отношения. Делясь с женой проблемами взаимоотношений в коллективе «Красной Армии», в том числе с ее редактором, А. Твардовский дает выразительные штрихи к «портрету» военного литературного сообщества, не все его оценки лицеприятны: «Печально только одно, что даже в такую пору величайшей борьбы в чем-то мы остаемся теми же людьми, с людскими интрижками, гадостями и своекорыстием». Газетные склоки догнали его и в Москве («Подлая характеристика от редактора — и поэта нет»), текст объяснительной записки А. Твардовского начальнику отдела печати ПУРККА, где по каждому пункту опровергается эта характеристика, дан в приложении. «Не подумай, что я сам ударился в интриги и «борьбу», но то, что со мной сделала эта братия — очень погано и выходит за пределы личных неувязок», — писал он жене. Он делился с женой своими тревогами, сомнениями и надеждами, отчитывался о своем быте, рассказывал о настроениях солдат на фронте, их возрастающей готовности сражаться, об их накипевшей злости и множившемся умении. И главное — подробно рассказывал ей о своих стихах и замыслах. «Думаю о трех вещах больше всего — о войне, о своей работе и о тебе с детьми. И все это не порознь, а вместе. Т. е. это и составляет мое каждодневное духовное существование». Мария Илларионовна, Маша была его первым его читателем и критиком. Он верил ее вкусу, ее чутью безгранично. Он уговаривал и ее писать, зная, что ее первые опыты были удачны: «Ты и сама вместе с бездной новых огорчений и мук, какие доставляет работа, узнаешь и эту святую сладость писанья,

размышления, работы — всего того, что возвышает душу и делает ее неуязвимой со стороны мелкой жизни». Пересылал ей свои стихи и очерки, советовался, обсуждал с ней в письмах стихотворения, которые не пошли в печать, строки, вырезанные цензурой, давал поручения — подготовить книгу избранных стихов для издательства «Советский писатель». Вернувшись из эвакуации в Москву, она взяла на себя все хлопоты по связям с издательствами, редакциями газет. Главным своим делом А. Твардовский считал работу над поэмой «Василий Теркин»: «я смотрю на нее как на мой подвиг в этой войне, раз уж другим образом мне не доводится действовать» (08.07.1942). Он начал ее в 1941-м, а окончательный вариант был завершен в 1945-м. В письмах — вся история создания поэмы «Василий Теркин», от созревания замысла до восприятия ее читателями и трудностей продвижения книги, вдруг вопреки ее честной, бездирективной популярности ставшей полуразрешенной. Письма Твардовского содержат подробности, которых нет ни в одном исследовании о поэме. В настоящем издании все письма поэта к жене 1941—1945 годов впервые представлены целиком и полностью.

Никодим Туманов. Ладога. Пять нитей жизни. СПб.: Европейский Дом, 2015. — 224 с.; ил.

Об этой уникальной операции — передаче электроэнергии с Волховской ГЭС через Ладожское озеро в блокадный Ленинград — громко заговорили недавно, в связи с энергетической блокадой Крыма. В годы Великой Отечественной войны операция была тщательно засекречена: работавшие на прокладке кабеля давали подписку о неразглашении; на протяжении всего времени его работы немцы ничего о кабеле не знали, что подтверждали допросы пленных. Долгое время в тайне сохранялось и имя автора проекта, Никодима Сергеевича Туманова, хотя свой орден и медали получил уже в 1943 году. Решение «О прокладке кабеля через Ладожское озеро» Военный совет Ленинградского фронта принял 7 августа 1941 года, заместителем по кабельным делам начальника работ по Ладоге был назначен капитан-инженер Н. Туманов. Предстояла работа, аналогов которой не существовало в мире: требовалось протянуть пять нитей кабеля от Волховской ГЭС по лесам и болотам на 104 километра и почти на 23 километра — по дну Ладоги. Происходящее на фронте диктовало необходимость выполнить задание в наикратчайшие сроки. Н. Туманов разработал методику прокладки кабеля за три дня, многое потом совершенствовалось в процессе самой прокладки кабеля. Он ощущал колоссальную ответственность, но... «Если ты скажешь „Я не знаю“ — и уйдешь в кусты, и другой уйдет, то кто же станет защищать страну?» — так пишет он в своей книге. В основе книги лежит дневник Н. Туманова, где он тщательно, даже не по дням, а по часам и минутам, фиксировал все этапы подготовки и осуществления проекта. Представлены графики работ, отчеты, метеосводки, акты, схемы, чертежи. Много фотографий, ксерокопий документов. В ходе работ были задействованы ленинградские заводы-изготовители — многого, в том числе подводных соединительных муфт, в блокадный Ленинград доставить было невозможно. В работах участвовали бригады ЛКС, водолазы, моряки, добровольцы. Н. Туманов многих называет поименно, тем более, как считал он, про работников Ленинградской кабельной сети Ленэнерго, которые прокладывали силовую кабель через Ладожское озеро, почти неизвестно. А рассказать о том, как все происходило, необходимо, так как в книгах и статьях, так или иначе посвященных ладожской передаче, со-

бытия воссозданы не совсем точно. Прокладка первой нити началась в ночь на 3 сентября, а уже 23 сентября 1942 года город получил свет: ток пошел на заводы, в школы, в квартиры ленинградцев, в декабре 1942 года снабжение Ленинграда электроэнергией увеличилось в четыре раза. Живя и работая в непосредственной близости от Дороги жизни, он наблюдал, как менялся характер грузов, шедших из блокадного Ленинграда на Большую землю: если до октября 1942 года из Ленинграда вывозили оборудование, машины, подвижной состав железных дорог, то начиная с октября резко возросли перевозки вооружения и боеприпасов, изготовленных в Ленинграде. Много времени спустя кабельщики узнали, что большая часть электроэнергии, переданной в осажденный город, пошла на производство вооружения и боеприпасов, в которых нуждался Ленфронт. С прокладкой кабеля уложились в рекордно короткое время — за сорок восемь дней, и это под постоянными бомбежками и обстрелами. Но предстояла еще долгая эксплуатация, частые ремонты, устранение аварий. Операция длилась до полного снятия блокады. Только 13 апреля 1944 года поступил приказ о начале демонтажа ладожских силовых кабелей — фронт был отодвинут от Ленинграда. Выемка кабеля закончилась 13 августа 1944 года. Несмотря на хроникальный характер материала, книга отнюдь не является сухим отчетом с техническими подробностями: Н. Туманов в своем дневнике фиксировал все экстремальные ситуации, в которые попадали он сам и его подчиненные. Авиационные налеты, пикирующие на суда фашистские самолеты, удары артиллерии, беспокойная Ладога: шторма, туманы, метели. Иногда порывы ветра сносили людей на 20 метров от объекта. Особой угрозой был тающий, тонкий лед, по которому не мог пройти ни один транспорт, а люди шли и тащили на себе груз, чтобы ликвидировать очередную аварию. Безнадежным и опасным делом была работа в плавучих льдах, но выполняли и ее. Чаше работали по ночам, для сохранения секретности. Не раз люди гибли, не раз получали ранения, не раз трагические сцены прерывают детальные описания работ, как и те истории, где людям удалось избежать гибели. «19 сентября 1942. Начало работ 0.05. ...7 часов 55 минут. Обрезка кабеля на барабане, пайка кнопок и выдача конца кабеля на берег вручную. Мастер Воробьев бросается в воду, за ним — 23 солдата во главе с политруком роты связи. Вода холодная, а чтобы положить кабель на плечо, надо нырнуть с головой, достать кабель и только тогда его можно тянуть. ...8 часов 15 минут. Возвращение людей, нырявших в воду, на баржу. Начальник строительства разрешает выдать им по стакану водки. Ребята сидят в трюме голые, отжимают мокрую одежду, выливают воду из сапог, а старшина обходит всех с большим чайником, отмеряя каждому его порцию. Буксирный пароход „Каракозов“ берет баржу на буксир и направляет в бухту Морье. Солдаты в трюме пляшут под гармошку, чтобы согреться. Настроение у всех приподнятое, все улыбаются: задание выполнено!» С особым теплом Н. Туманов пишет об обустройстве быта для мобилизованных на работы, что на восточном, что на западном берегах Ладоги: сколько любви, нежности и уважения вкладывали в подготовку вагончиков, землянок те, кто этим занимался. Почти тридцать лет работал Н. Туманов над рукописью своей книги, потом шестнадцать лет безнадежно боролся за то, чтобы ее напечатать. Каждая схема, спецификация, таблица для автора являлись не просто техническими подробностями, но частью судьбы — за ней стояли люди, живые и ушедшие, поэтому редакторы, а среди них и дочь Н. Туманова, Татьяна Косоурова, представили документы и в этой книге. Никодим Сергеевич Туманов хотел поведать о своей Ладоге с точностью инженера, с точностью историка, с точностью ленинградца, — и он сделал это, как когда-то сумел проложить для осажденного города настоящие «нити жизни».

Сергей Данилов. Тысяча дней. Воспоминания / Российский институт истории искусств; подгот. текста, введение, указатели Л. С. Даниловой. СПб.: ООО Издательский дом «Петрополис», 2015. — 172 с.; ил.

19 августа 1941 года эшелон из 86 вагонов увез в Молотов (нынешняя Пермь) три с половиной тысячи работников Кировского театра и членов их семей, бу-тафорию, костюмы, ноты, театральное оборудование. Среди тех, кто уезжал из еще не блокированного Ленинграда в этом одном из последних эшелонов, был и Сергей Сергеевич Данилов (1901–1959), историк театра, театральный критик, педагог. В Молотове он был назначен заведующим литературной частью театра. В эвакуации театр пробыл 2 года 9 месяцев и провел там три сезона, тысячу дней, о которых и рассказывает в своих воспоминаниях С. Данилов. Война поставила в экстремальные условия всех: и жителей Перми, и новых насельников. Точно и выразительно автор воссоздает атмосферу эвакуационного быта: проблемы с жильем, с дровами, с питанием — часто единственной едой на день был сушеный картофель либо горох. О горестях эвакуационного быта свидетельствуют лаконичные выдержки из дневника жены С. Данилова, помещенные в книгу. Непросто проходило обустройство и огромного театрального коллектива в городе, переполненном эвакуированными людьми, и самого помещения Пермского оперного театра, полностью переданного Кировскому театру. Трудности сближали коллектив, где не все сотрудники даже знали друг друга по фамилиям. Артистический состав из-за нехватки рабочих рук сам, снося ряды кресел, расширял «оркестровую яму»; видный солист оперы не считал ниже своего достоинства возить на ручной тележке мешки и ящики с пайком. Но еще больше сплотила творцов последующая многообразная военно-шефская работа: каждый вечер в воинские части и госпитали отправлялись бригады актеров: певцы, танцовщики, инструментальные квартеты; артистические бригады выезжали на фронт, на уральские оборонные заводы, к шахтерам Кизеловского угольного бассейна. Выезжал с бригадами и сам Данилов. Основное внимание он уделяет интенсивной творческой жизни, развивавшейся вопреки всем тягостям быта. Уже через две недели после прибытия театр открыл новый сезон: первыми спектаклями, сыгранными ленинградцами 13 и 14 сентября, стали опера «Иван Сусанин» и балет «Лебединое озеро». С. Данилов рассказывает об организации работ в театре, спектаклях успешных, как балет А. Хачатуряна «Гаяне», и неуспешных, как опера со слишком мрачным колоритом «Емельян Пугачев» Ковалева, о спектаклях патриотического и революционного характера, таких, как «Иван Сусанин», «В бурю», «Лауренсия», «Пламя Парижа». Но так как их «созвучность» дням войны казалась недостаточной, то готовили и спектакли с особым репертуаром, тематические вечера, связанные с героикой прошлого и дня текущего. С. Данилов и сам участвовал в подготовке ряда спектаклей, постарался привлечь к созданию либретто на актуальные военные темы ленинградских и московских писателей, оказавшихся в эвакуации, но большинство таких начинаний закончились первоначальными набросками. Функции завлита Кировского театра были многообразны и весьма отличны от прежнего опыта работы С. Данилова в драматических театрах до войны, где обязанности сводились к тому, чтобы отсеивать драматургический «самотек». Так, он выпускал многотиражку «За советское искусство», было издано двадцать номеров: первый 13 сентября 1941 года, последний — 9 июня 1944 года, в день отъезда последней группы работников театра в Ленинград. В газете печатались материалы официальные, творческие, хроника театральная жизни. На страницах газеты оказались объединены разбросанные по всей стране ленинградские театры, получив газету из Молотова, театры — Пушкинский, Малый

оперный, имени Горького — откликались своими корреспонденциями. С. Данилов щедро приводит цитаты из газеты, понимая, что это уже библиографическая редкость. Не все можно было публиковать, театр совершал выезды и на секретные объекты. Но в очерках немало ярких эпизодов, например, рассказ о том, как долгую декабрьскую ночь бойцы приспособляли под театр полуразрушенный каменный амбар и как на темно-зеленом фоне плащ-палаток Герман в пудреном парике и лакированных ботфортах протягивал руки к Лизе, сидевшей... за походным штабным столом. Или о том, как в одном из цехов, где было много эвакуированных украинцев, после исполнения украинских песен звучало «Хай живе рідна Україна!». С. Данилов был одним из организаторов конференции «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», прошедшей в Свердловске; приуроченная к ней однодневная газета «Литературный Урал», включавшая беллетристику, очерки, научные разыскания также стала сегодня библиографической редкостью. Все годы эвакуации С. Данилов вел занятия по истории русской драматической литературы и театра в пединституте и студии при областном драматическом театре. И работал над книгой «История русского драматического театра», капитальный труд объемом более 600 страниц удалось издать в 1944 году в Молотове — о перипетиях и треволнениях, связанных с ее публикацией, с юмором рассказывает автор. В книге нет развернутых портретов людей, с которыми общался С. Данилов, а это и главный дирижер театра А. Пазовский, и его директор Е. Радин, и писатели М. Слонимский, В. Каверин, П. Бажов, поэт Василий Каменский, Л. Брик. Но штрихи к портретам есть. «Воспоминания», воссоздающие многообразную художественную и повседневную жизнь театра в эвакуации в городе Молотове (Пермь), содержат уникальные сведения и наблюдения профессионального ученого, знающего цену документальным свидетельствам.

Дмитрий Володихин. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. — 304 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1509).

Патриарх Гермоген (1530?—17 (27) февраля 1612) — одна из ключевых фигур нашей истории. В эпоху Великой Смуты начала XVII века, когда Московская держава едва не исчезла с карты мира, именно его воля помогла удержать российскую государственность от окончательного краха. Первая точная дата в его судьбе — 1579 год. В 1589 году он был хиротонисан в Москве во епископа на кафедре митрополита Казанского и Астраханского, стал третьим по «старшинству чести» в Русской церкви, вошел в большую политику. С воцарением Лжедмитрия I был введен в боярскую думу, но выступил против самозванца, возражая против избрания патриархом Игнатия и требуя православного крещения Марины Мнишек. Был сослан в Казань, но смерть самозванца повернула колесо его судьбы, и в июле 1606 года собор русских иерархов избрал Гермогена Патриархом Московским и всея Руси. Он являлся преданным сторонником царя Василия IV Шуйского, поддерживал его в подавлении восстания южных городов, отчаянно противился его свержению. Не принимал «Семибоярщину», пытался организовать выборы нового царя из русского рода (первым предложил кандидатуру Михаила Федоровича Романова). Соглашался признать царем Владислава, сына польского короля Сигизмунда III, лишь при условии его православного крещения и вывода польских войск из России. После отказа поляков от выполнения этих условий с декабря 1610 года стал рассылать грамоты по городам с призывом к всенародному восстанию против интервентов. Оккупанты посадили Гермогена под домашний арест, а затем насильно свели с патриаршего престола и заключили под стражу в под-

вале московского Чудова монастыря. Осажденные в Кремле поляки не раз требовали от Гермогена, чтобы он приказал русским ополченцам отойти от города, угрожая ему при этом смертной казнью. Патриарх отвечал решительным отказом. После девяти месяцев заточения он скончался от голода и жажды. В его биографии остается много «белых пятен»: не известны точно год рождения, крестильное имя, происхождение — то ли из донских казаков, то ли из вятских посадников. Дмитрий Володихин подробно исследует и все «белые пятна», и все «темные места» в биографии патриарха, пытаясь добраться сквозь тьму веков до истины. Самый важный и самый сложный вопрос, по его мнению, связан с тайной грамот патриарха, адресованных вождям земского освободительного движения, вокруг которых вот уже второй век вокруг ведутся жесточайшие споры. Мог ли патриарх Гермоген писать грамоты в заключении? Как передал их адресатам? Кому именно? Как воспринимала действия Гермогена русская провинция, то есть именно те люди, к которым могли быть направлены поучения Гермогена? И как смотрела на слова и поступки главы Русской церкви польско-литовская братия, во множестве сидевшая за стенами Кремля, бродившая по нашим землям, грабившая наши города? Обращаясь к документам той эпохи, анализируя воззрения дореволюционных и советских историков, Д. Володихин по мере возможности реконструирует события, связанные с грамотами Гермогена, и выражает уверенность, что земцы получили благословление патриарха и именно он — духовный наставник Первого земского ополчения. В научной литературе существуют разные трактовки поступков и личности Гермогена, голоса его современников в источниках независимых и пристрастных противоречат друг другу. Понять предсмертный подвиг Гермогена можно, считает исследователь, только зная его жизненный путь, и подробно рассматривает становление характера будущего патриарха, когда тот, будучи митрополитом Казанским, действовал на землях, не до конца «замыренных», и показал себя мужественным человеком, просвещенным пастырем и церковным администратором, обладающим твердой волей. Строил храмы, читал проповеди, знакомил новокрещеных, татарских и черемисских, со Священным Писанием. Он способствовал канонизации новых святых, связанных с казанской землей. А когда ситуация требовала, проявлял жестокость, борясь за чистоту веры. Отсюда и четкость его позиции в вопросах перекрещивания Марины Мнишек и Владислава. Суровые времена и жесткие решения. Д. Володихин внятно и поэтапно воссоздает события Смуты: смена властителей, бунты, мятежи, восстания (ох, не рабы были наши предки), гибельно опасные политические интриги, предательство элит, призвавших поляков в Москву. Трактовки, версии, факты, столкновение мнений. И яркие характеристики значимых персонажей нашей истории, таких, как Василий Шуйский, чья личность подверглась темной мифологизации, или неоднозначный в своих поступках митрополит Филарет, отец будущего первого царя из династии Романовых. И снова парадоксы и загадки. Почему патриарх Гермоген чтит Василия Шуйского, всегда и неизменно проявляя к нему абсолютную лояльность, к тому же призывая и паству? Были ли соперниками патриарх Гермоген и «тушинский патриарх», митрополит Филарет? Патриарх Гермоген, «твердый адамант» и «новый исповедник», «непоколебимый столп» православной веры, как называли его авторы исторических сочинений XVII столетия, в советское время, по понятным причинам, просто исчез со страниц исторических монографий. Сегодня личность Гермогена, удержавшего царство от распада территориального и нравственного, неизменно стоявшего на защите законной власти и порядка, православия и государства, снова востребована. «Никакая толпа в Москве никогда не собиралась сама собой, без подстрекательства „сильных мира сего“, — утверждает

историк Д. Володихин. — Такого никогда не случалось со времен Ивана Грозного по наши дни. „Скоп“ всегда и неизменно является частью заговора. Так что у „народа“ в каждом случае имелись поводыри. Они приводили якобы стихийно собравшуюся толпу в Кремль, выдвигали патриарха из его палат, а потом принуждали его осудить царя, дать духовную санкцию бунту. И что же? Как мог Гермоген проявить свою „силу“? А просто, представ перед разгневанной толпой, не благословлял, и толпа расходилась. Не благословил, не одобрил свержения Шуйского, не прикрыл приветливым словом мерзость измены «семибоярщины», не потворствовал иноземцам. За сохранение Московского государства он отдал жизнь. Он был канонизирован как священномученик в 1913 году, а спустя еще столетие на территории Александровского сада вблизи Кремля был открыт памятник патриарху Гермогену. У истории есть чему учиться.

Игорь Дуэль, Лола Звонарёва. О друзьях-товарищах: Писательская карта России и мира в литературной гостиной Булгаковского дома. М.: Nonпарель, 2015. — 244 с.; ил.

Вот уже почти десять лет как в литературной гостиной московского культурного центра «Булгаковский дом» собирается группа литераторов, чтобы послушать и обсудить поэзию и прозу приглашенных гостей. Сообщество поклонников слова имеет и еще одно название — «Гостиная Лолы Звонарёвой», по имени постоянной ведущей вечеров, писательницы и ученого, приоритетом для которой является налаживание международных связей в русскоязычной среде. Ее сподвижник, писатель Игорь Дуэль в предисловии к книге приводит слова великого француза Сент-Экзюпери: «Высшая роскошь бытия — человеческое общение». И поясняет, что, конечно, речь идет не о бытовой информации, а о словах, что идут от сердца к сердцу, о мыслях, найденных ценой страданий, тоски, мук, тяжелейшей духовной работы. «Если не передавать друг другу такие открытия, то история людского рода может превратиться в скучный перечень операций, подобно бухгалтерскому реестру. Все это особенно важно для людей пишущих, сам труд которых требует удаления от окружающего мира на долгие часы, дни, месяцы. Долгие уединения требуют и обратного — общения с коллегами, братьями по слову и духу». Плодом таких общений и является книга, в которую включены 44 очерка. Они рознятся по объему: от полутора страниц, как очерк Лолы Звонарёвой о монографии болгарского литературоведа Ивайло Петрова, посвященной Анне Ахматовой и заполняющей явную лауну в болгарском литературоведении; до полутора десятков страниц, как ее же очерк о творчестве Александра Кердана, которое отличают тематическая широта и разнообразие стихотворных размеров. Есть статьи и об авторах этой книги. М. Румер-Зараев обращается к роману И. Дуэля, «Тельняшка математика», исполненному в духе добротной реалистической традиции. А Л. Аннинский, размышляя о книге Лолы Звонарёвой, героем которой является собиратель и хранитель наследия русского Серебряного века Рене Герра, дает развернутый портрет поколения, к которому принадлежит сама Звонарёва, также занимающаяся «сбором» русских писателей, эмигрантов уже третьей и четвертой волны. Но, конечно, основное содержание сборника — эссе И. Дуэля и Л. Звонарёвой, где они дают свою писательскую карту России и мира, на которой представлены современные писатели и поэты, живущие в России, российские эмигранты, зарубежные. И эта карта впечатляет. На ней есть место и для авторов известных, и для малознакомых нам, но ярких писателей и поэтов. Таких, как венгр Бела Риго и знающая цену тишине аварская поэтесса Сабигат Магомедова, как эстонская

писательница Рээт Куду и неисправимый романтик алма-атинский писатель Ефим Зуслин, азербайджанский поэт Годжи Халид и белорусская поэтесса Наталья Батракова. Но главное, эта «писательская карта» демонстрирует неделимость культуры во времени и пространстве, культура предстает как единая кровеносная система, связавшая века и, как минимум, все уголки Европы. Так, И. Дуэль, анализируя прозу Игоря Гамаюнова, посвященную жизни сельского мира и сложившейся российской реальности, адресуется и к заячьей тематике в русской литературе (А. Пушкин, Н. Рубцов). Размышляя о стихах Ольги Харламовой, он пристально вслушивается в диалог поэтессы с духовно близкими ей предшественниками — Е. Растопчиной, Н. Павловым, С. Надсоном, Г. Ивановым — и отмечает, что она сумела выделить близкое ей самостоятельное направление в истории русской поэзии и проследить его движение в течение почти двух веков. Широта взгляда присуща и Л. Звонарёвой, что и неудивительно: профессионально подкованный литературовед и филолог, она обладает и высшей искусствоведческой квалификацией. Она видит, как Инна Ряховская в своих стихах, в слове сумела запечатлеть неуловимый «почерк» московского или парижского дня, что когда-то сделали в своих картинах художники-импрессионисты К. Коровин и Клод Моне. Ей радостно от того, как легко и естественно чувствует себя в мире культуры донской поэт Игорь Елисеев. «Наверное, поэтому героями его стихотворений нередко становятся картины, иконы и фрески знаменитых художников — Рублёва и Модильяни, Микеланджело и Левитана, Леонарда да Винчи и Дали, Тулуз-Лотрека и Гойи. Поэт словно возвращает в нашу поэтическую реальность старинный жанр экфразиса — поэтического переложения сюжета картины». На маленьком пространстве очерка («Штрихи к портрету Риммы Казаковой») встречаются Ахматова, Цветаева, Пастернак, Н. Гумилев и А. Швейцер. Ей понятны поэтические рефлексии Бориса Бартфельда, муза которого естественно чувствует себя в культурных пространствах Пруссии, Польши, Литвы, России. В историческом, философском романе болгарского писателя Николая Табакова «Византия» отметит близкое писателю, единое культурное пространство: болгарское, соседнее для него русское, соседнее европейское. Лоле Звонарёвой нравится искать и устанавливать культурные связи и связки. Сравнить душеполезную стихотерапию Дмитрия Бирмана с творчеством Симеона Полоцкого, который три с половиной столетия назад верил, что СЛОВОМ можно изменить мир: сделать его добрее, честнее, уютнее, гармоничнее. Проследить, как уроженка Украины Мария Розенбит в своей прозе идет путем писателей-деревенщиков, что еще в 60-е годы XX века начали художественно осваивать трагический феномен старости как драматического душевного и физического состояния (В. Распутин, В. Белов, В. Крупин, В. Солоухин). Именно такого добросовестного анализа конкретных текстов, устанавливающего корневые связи их авторов с предшественниками и современниками, работающими со словом, и не хватает в наше время. Дефицит профессионального литературного анализа испытывают и авторы, и читатели. Отмечая достойное, значимое и значительное в современной литературе, уникальность каждого из героев своих эссе, И. Дуэль и Л. Звонарёва дают читателю возможность выбора, который его явно не разочарует. В заключение книги помещена беседа с Евгением Юрьевичем Сидоровым, одним из самых заметных отечественных критиков, в которой он размышляет о современном литературном процессе.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ